

От простолюдинки до императрицы:

Екатерина Первая
и путь к вершине власти

18+

ИИ
Станислав Браун

Станислав Браун

**От простолюдинки до
императрицы: Екатерина
Первая и путь к вершине власти**

«Автор»

2026

Браун С.

От простолюдинки до императрицы: Екатерина Первая и путь к
вершине власти / С. Браун — «Автор», 2026

Как пленница без знатного происхождения оказалась на российском престоле — и где в этой истории заканчиваются факты и начинаются легенды?

Екатерину I часто представляют героиней сказочного возвышения или лишь спутницей Петра. Но за привычным сюжетом стоят война, придворные союзы и сложная борьба за власть. Книга прослеживает судьбу Марты Скавронской на фоне петровских преобразований: от Ливонии и первых лет при дворе до брака, коронации 1724 года, восшествия на престол и двухлетнего царствования. Вы узнаете, как близость к государю превращалась во влияние, почему коронация не давала права наследовать престол и какую роль сыграли гвардия, сановники и государственные учреждения. Документы, поздние рассказы и гипотезы здесь не смешиваются: автор отделяет установленное от спорного. Книга адресована всем, кто интересуется эпохой Петра I, судьбами женщин у власти и механизмами придворной политики.

© Браун С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Россия на пороге империи: власть, война и перемены петровской эпохи	6
Марта Скавронская: происхождение, детство и пределы исторического знания	10
Ливония, плен и дорога ко двору Петра	15
Вхождение в царский круг: Меншиков, Пётр и новая жизнь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Станислав Браун
От простолюдинки до императрицы:
Екатерина Первая и путь к вершине власти

От простолюдинки до императрицы: Екатерина Первая и путь к вершине власти

Станислав Браун

Россия на пороге империи: власть, война и перемены петровской эпохи

В ноябре 1700 года под Нарвой русское войско ждало развязки осады. Перед ним была крепость, позади — огромная страна, которая только начинала перестраивать армию по новым правилам. Затем ударили шведы. Сражение обернулось поражением: строй был прорван, командование оказалось в хаосе, многие русские части сдались. Пётр I к тому времени уже покинул лагерь, чтобы организовать подкрепления; войском руководил герцог де Круа, попавший в плен вместе с другими иностранными офицерами.

Нарва не была концом русских притязаний на Балтику. Она стала унижительным уроком, за который пришлось платить дорогой ценой. Чтобы продолжить войну, государству требовались новые солдаты, пушки, корабли, деньги и люди, способные вести счёт всему этому. Но перемены не оставались в канцеляриях и военных лагерях. Они входили в дома через налоги и рекрутские наборы, в дворянские семьи — через службу, а в придворную жизнь — через новые правила близости к государю.

Представим эпоху тремя сценами. Это не три события, случившиеся в одну минуту, а монтажная панорама страны, где война, управление и двор всё теснее связывались друг с другом.

В первой сцене — военный лагерь. Солдату нужно оружие и продовольствие; полку — командиры и пополнение; армии — дорога, по которой можно доставить всё необходимое. Победа зависит не только от храбрости. Она требует устойчивой системы снабжения, обучения и сбора средств. После Нарвы Пётр не отказался от войны. Напротив, поражение ускорило усилия по созданию регулярной армии и развитию артиллерии. Военная служба становилась долгой и тяжёлой частью жизни для тех, кого государство призывало в солдаты.

Во второй сцене — государственный аппарат. Чиновник получает распоряжение собрать налоги или сведения о населении; другой должен организовать набор людей, третий — проверить, что исполнено. Россия не начинала с чистого листа: у московского государства были приказы, служилые люди, налоговые практики и местное управление. Однако масштаб задач быстро менялся. Военная необходимость подталкивала власти создавать новые учреждения, перераспределять полномочия и требовать более точных сведений. Одновременно она приучала государство вмешиваться в жизнь подданных гораздо настойчивее.

В третьей сцене — царские покои и придворные комнаты. Здесь тоже шла борьба за ресурсы, только её главным ресурсом было внимание монарха. Кто мог попасть к нему? Кому он доверял? Кто приносил полезные сведения, передавал просьбы, сохранял расположение в периоды гнева и перемен? Формальные должности имели значение, но близость к государю могла открыть путь к решениям, недоступным другим. В эпоху усиления личной власти место рядом с монархом становилось не только привилегией, но и источником риска.

Война меняет масштаб государства

Северная война началась в 1700 году и продолжалась до 1721-го. Россия вступила в неё ради выхода к Балтийскому морю и участия в европейской политике. Её противником была Швеция — сильная держава с опытной армией. После Нарвы последовали новые кампании, и постепенно российские войска перехватили инициативу. В 1703 году был взят шведский укрепленный пункт Ниеншанц, а рядом началось строительство Санкт-Петербурга. Победа под Полтавой в 1709 году стала переломной, но не завершила войну: борьба за Балтику продолжалась ещё двенадцать лет. Ништадтский мир 1721 года закрепил за Россией значительные приобретения на Балтийском побережье.

Эта краткая хронология помогает удержать главное: империя выросла не из одного эффектного сражения, а из долгого напряжения. Военная победа была итогом работы целой системы — и требовала её дальнейшего укрепления. Нужно было содержать армию в мирное время, строить флот, создавать новые органы управления и обеспечивать государство доходами. Война не просто отнимала у страны людей и деньги. Она задавала ритм преобразованиям и часто заставляла действовать быстрее, чем позволяли старые порядки.

Новая столица стала одним из самых зримых символов этих перемен. Петербург строился в месте, которое имело стратегическое значение, но не было готовым городом, ожидающим приезда двора. В его создании участвовали люди, присланные на работы из разных частей страны; труд был тяжёлым, условия — суровыми. Позднейшие рассказы иногда приписывают строительству огромные, но ненадёжные цифры погибших. Точные оценки спорны, и осторожный историк не превращает неподтверждённые числа в факт. Но нет необходимости преувеличивать, чтобы увидеть цену: государственный проект требовал труда, ресурсов и подчинения интересов множества людей своей цели.

Петербург стал не просто новым городом. Двор и многие учреждения перемещались туда, где близость к морю и европейским торговым путям подчёркивала направление внешней политики. Менялась и география влияния: чтобы быть заметным в новой столице, нужно было находиться там, где принимались решения, служить, заводить связи, быть включённым в придворную жизнь. Для человека, не принадлежавшего к старой верхушке, это могло открыть новые возможности — но не отменяло неравенства и зависимости.

Реформа как требование и цена

Петровские преобразования часто описывают одним словом — «модернизация». Это полезное обобщение, если помнить: речь не шла о спокойном, заранее составленном плане, который государство последовательно выполняло. Многие решения рождались под давлением войны и нужд управления. Пётр стремился перенимать полезные, по его оценке, практики у других стран, но заимствования приспособлялись к российским условиям и интересам монарха.

Перестраивалось центральное управление. В 1708 году страну разделили на губернии, стремясь сделать сбор налогов и исполнение распоряжений более действенными. В 1711 году был учреждён Сенат, на который возлагались важные государственные дела в отсутствие царя. Позднее создавались коллегии — учреждения, отвечавшие за отдельные направления управления. Церковная организация также оказалась теснее связана с государством: в 1721 году был учреждён Святейший синод. Эти изменения не означали, что все проблемы бюрократии исчезли. Новые ведомства могли дублировать друг друга, чиновники ошибались, распоряжения встречали сопротивление или исполнялись не так, как предполагалось. Но центр власти получал больше инструментов для того, чтобы собирать сведения и добиваться выполнения своей воли.

Изменялось и налогообложение. В начале XVIII века власти перешли от прежней системы подворного обложения к подушной подати, опиравшейся на учёт мужского податного населения. Для этого проводились переписи, ревизии, проверки. На бумаге человек превращался в единицу расчёта; в реальной жизни за этой единицей стояли семья, хозяйство и тяжесть обязанности перед государством. Война требовала денег, и государство искало способы получать их регулярно.

Но бремя распределялось неравномерно. Крестьяне и другие податные группы несли налоговые и трудовые повинности; рекрутчина могла надолго оторвать мужчину от семьи и хозяйства. Дворяне, со своей стороны, были связаны службой и должны были доказывать полезность государю. Это не были одинаковые тяготы: различались обязанности, права и способы защитить свои интересы. И всё же всё больше людей оказывались включены в систему, где служба и польза государству становились мерой требований к подданному.

Практическое упражнение. Возьмите любой исторический указ или описание реформы этой эпохи и задайте три вопроса. Какую задачу власти он решал? От кого требовали усилий и ресурсов? Кто получал новые возможности благодаря перемене? Такой разбор помогает не оценивать реформу только по её громкому названию. За словами «создание флота» или «упорядочение управления» нужно увидеть и цель, и исполнителей, и цену.

Пётр менял не только учреждения, но и правила поведения при дворе и в среде знати. На рубеже XVII и XVIII веков вводились новые требования к одежде; позднее стали устраивать ассамблеи — светские собрания, в которых участвовали и женщины из высших слоёв общества. Для дворянства это означало освоение непривычных форм общения и демонстрацию соответствия двору. Было бы ошибкой считать эти изменения всеобщим освобождением женщин или быстрым переворотом повседневности всей страны. Новые возможности прежде всего открывались в узком кругу элиты, а для многих людей за пределами столиц перемены ощущались иначе — как новые сборы, служебные обязанности или требования начальства.

Эта разница важна для истории Екатерины. Её будущее возвышение нельзя объяснить тем, будто петровская эпоха вдруг уничтожила сословные преграды и открыла всем одинаковый путь наверх. Она этого не сделала. Но она изменила устройство двора, усилила значение личного доступа к государю и создала обстоятельства, в которых происхождение оставалось важным, но уже не исчерпывало всех факторов влияния.

Власть, близость, неопределённость

Петровский двор не был просто красивой декорацией вокруг государственного механизма. Это была среда, где личные отношения могли влиять на ход дел. Приказы и должности никуда не исчезли, но монарх оставался центром принятия решений. Поэтому имели значение доверие, доступ, способность быть полезным, выдерживать придворные испытания и понимать меняющееся настроение власти. Такая близость могла поднять человека высоко — и сделать его уязвимым, если расположение государя исчезало.

При этом путь наверх не был ни чистой случайностью, ни сказкой о награде за одни достоинства. Действовали происхождение, служебная карьера, покровительство, семейные связи, военная и придворная среда. Успешному человеку нужно было ориентироваться не только в своих способностях, но и в правилах системы. Для женщины положение особенно зависело от её места в семье и при дворе, а возможное влияние не означало формального равенства с мужчинами.

Парадокс эпохи в том, что усиление власти монарха сопровождалось неопределённостью вокруг самой власти. В 1722 году Пётр ввёл порядок, позволявший государю назначить преемника по собственному выбору. Однако к своей смерти в 1725 году он не объявил наследника так, чтобы вопрос оказался бесспорно решённым. Это не доказывает, что государственные учреждения перестали иметь значение; оно показывает другое: когда власть была сосредоточена в личности монарха, его уход мог превратить придворные связи и поддержку влиятельных людей в ключевые политические факторы.

Краткая хронологическая опора помогает увидеть, как нарастало напряжение:

Год

Событие

Почему оно важно

1700

Начало Северной войны; поражение под Нарвой

Поражение выявило необходимость перестраивать армию и снабжение

1703

Начало строительства Санкт-Петербурга

Военный успех на Балтике обрёл постоянный центр и символ

1708–1711

Губернская реформа и создание Сената

Центральная власть искала более действенные способы управления

1709

Полтавская победа

Поворотный момент в войне, но не её окончание

1721

Ништадтский мир; учреждение Синода

Завершение войны и дальнейшее укрепление государства

1722–1725

Указ о престолонаследии; смерть Петра

Вопрос о преемнике стал испытанием для придворной политики

Практическое упражнение. Попробуйте составить собственную «карту цены» одной перемены: например, строительства флота или перехода к подушной подати. Запишите, что получало государство, кто непосредственно исполнял распоряжения и какие последствия возникали для семей и служилых людей. Затем отдельно отметьте, что подтверждено документами, а что является вашим выводом. Это простой способ отличить исторический факт от правдоподобного, но всё же предположения.

Россия вступала в империю не как единая страна, одинаково и одновременно принявшая перемены. Для одних петровская эпоха означала новые должности и близость к центру решений; для других — службу, подати и труд, которых невозможно было избежать. Государство становилось сильнее, но сила строилась на мобилизации людей и ресурсов. Двор становился пространством новых возможностей, но доступ к нему оставался ограниченным и опасным. Личная близость к монарху приобретала всё больший вес, а значит, судьба человека могла зависеть не только от его рождения, но и от того, сумеет ли он занять место внутри хрупкой системы власти.

На таком фоне станет понятнее история женщины, которой предстояло пройти путь к вершине государства. Но прежде чем следить за этим восхождением, необходимо отделить то, что можно установить о её происхождении и детстве, от того, что позднее обросло догадками и легендами. В следующей главе мы обратимся к Марте Скавронской и к границам того, что история действительно может о ней знать.

Марта Скавронская: происхождение, детство и пределы исторического знания

В биографии Екатерины I есть странное неравенство: чем ближе она подходит к вершине власти, тем больше о ней можно узнать; чем дальше мы отступаем к её детству, тем чаще вместо фактов оказываемся перед пересказами. Историк может довольно уверенно восстановить некоторые поздние повороты её жизни, но не может показать читателю подлинную запись о рождении Марты Скавронской — с точным местом, именами родителей и рассказом о первых годах. В этом нет загадки, которую непременно нужно разгадать. Перед нами обычная, хотя и неудобная для биографа правда: документы лучше сохраняют жизнь государства, чем жизнь девочки из небогатой семьи.

Чтобы увидеть Марту, не стоит сразу воображать комнату, колыбель или лицо матери. Ни один надёжный источник не даёт права описать такую сцену. Начать придётся с границы знания — с того, что можно утверждать, что только вероятно и что родилось уже в рассказах о будущем императорском восхождении.

Биография, начинающаяся с пробелов

Имя будущей императрицы до её перехода в русскую придворную среду обычно передают как Марта Скавронская. В источниках и поздней литературе встречаются разные варианты написания: Скавронская, Скавронска, Сковронская, польское по форме *Skowronńska*. Такие различия сами по себе не доказывают ни происхождения, ни национальной принадлежности. В XVII веке фамилии могли менять написание при переходе между языками и канцеляриями; писарь записывал имя так, как его слышал или как привык писать.

Часто указывают, что Марта родилась 5 (15) апреля 1684 года в местечке Ринген — нынешнем Рõнгу в Эстонии. Две даты обычно объясняются разницей календарей: в XVII веке между юлианским календарём, которым пользовались в России и ряде соседних земель, и григорианским было десять дней. Но календарный пересчёт не делает точную дату бесспорной. Современной рождению записи, которая надёжно подтверждала бы и число, и место, не обнаружено. Поэтому 1684 год и Ринген — наиболее распространённая реконструкция, но точность этой формулы не следует путать с точностью метрической книги.

Марта родилась в Ливонии — области, которая в ту эпоху входила в состав Шведского королевства. Это не была однородная территория с населением, которое можно без оговорок распределить по современным национальным категориям. Здесь жили эстонцы и латыши, шведские чиновники и военные, немецкоязычные горожане и землевладельцы, люди, связанные с польско-литовским миром. Слово «ливонец» обозначало прежде всего связь с краем, а не простую и единственную этническую принадлежность.

Именно поэтому попытка вывести происхождение Марты из одной фамилии — слишком короткий путь к слишком уверенному выводу. Форма фамилии может напоминать польскую, но этого недостаточно, чтобы объявить Марту полькой. Точно так же рассказы о её «немецком» или «шведском» происхождении нельзя считать доказанными только потому, что она жила в шведской Ливонии. Политическая принадлежность края, язык семьи и самоощущение его жителей — разные вещи.

Шкала достоверности

Для биографии, в которой ранние свидетельства редки, полезно не складывать все сведения в один рассказ, а помечать их по степени надёжности. Эта шкала не заменяет исследование источников и не присваивает прошлому математические баллы. Она помогает читателю заметить, когда уверенность автора начинает опережать доказательства.

Утверждение
Степень надёжности
Что важно помнить

Будущую Екатерину до крещения в православие знали как Марту Скавронскую
Высокая
Имя закреплено в документах и ранней российской традиции, хотя написания различаются

Она была связана с Ливонией и оказалась в российской орбите во время Северной войны
Высокая в общем, ниже в деталях
Исторический контекст и позднейшая судьба ясны; отдельные этапы её пути восстанавливаются не одинаково надёжно

Она родилась около 1684 года
Вероятно
Год широко принят, но его нельзя подкрепить сохранившейся записью о рождении

Её родиной был Ринген
Вероятно, но не бесспорно
Место повторяется в биографической традиции, однако прямое современное подтверждение отсутствует

Её родителей звали Самуил Скавронский и Доротея Ган
Известно преимущественно из поздних рассказов
Повторение имён в книгах не превращает позднее сообщение в первичный документ

Родители умерли от чумы, а Марту воспитывали родственники или семья пастора
Недостаточно подтверждено
В версиях расходятся подробности; связь отдельных событий с конкретными годами часто не доказана

Детство Марты было именно таким, как его описывает красочная биография
Гипотеза или легенда
Бытовые сцены, точные мотивы и внутренние переживания обычно не опираются на прямое свидетельство

Эта таблица важна не только для Екатерины. Она показывает, как устроена добросовестная биография: надёжные факты не обязаны заполнять каждый пробел, а правдоподобная версия не становится документом только потому, что хорошо объясняет дальнейший успех героини.

Родители, сиротство и пасторский дом

В поздней традиции родителями Марты называют Самуила (или Самуэля) Скавронского и Доротею Ган. Иногда их представляют бедными крестьянами, иногда — людьми польского происхождения, жившими в Ливонии. Эти сообщения могут сохранять подлинную семейную память, но их нужно передавать именно как сообщения поздних биографов, а не как содержание найденного свидетельства о рождении.

Не менее известна история о том, что родители Марты умерли, когда она была ребёнком, возможно, во время эпидемии, а девочку взяла к себе родственница. В разных пересказах

меняются возраст Марты, обстоятельства смерти родителей и тот, кто якобы заботился о ней после. Иногда все эти детали складываются в гладкую цепочку: осиротевшая девочка попадает в чужой дом, там учится домашней работе, затем становится служанкой у лютеранского пастора Иоганна Эрнста Глюка.

Цепочка выглядит убедительно — и именно поэтому особенно важно остановиться. В ней есть несколько отдельных утверждений, а не один подтверждённый эпизод. Существование Глюка, лютеранского пастора и переводчика, не вызывает сомнений. Русские войска взяли Мариенбург в 1702 году, и Глюк оказался среди пленённых. Но из надёжно установленной судьбы пастора нельзя автоматически вывести все подробности детства Марты. Её связь с его домом считается правдоподобной и широко принятой, однако рассказ о том, как именно она туда попала, кто привёл её и чему там научил, опирается главным образом на более позднюю традицию.

Утверждение, что Марта была лютеранкой до перехода в православие, тоже выглядит естественным: она выросла в лютеранской среде Ливонии, а затем оказалась связана с домом лютеранского пастора. Но «естественно» не означает «доказано личным документом». Позднее, уже в русской придворной жизни, она получила имя Екатерина Алексеевна. Этот факт относится к её новой биографии и не даёт нам прямого свидетельства о том, как называли её при крещении младенцем.

Здесь важно не превращать неясность в отрицание. Мы не знаем подробностей её раннего дома, но это не означает, что у неё не было семьи, языка, привязанностей и навыков. Мы просто не можем надёжно описать их поимённо. Человек не становится пустым местом только потому, что архив не сохранил его детских писем.

Кто рассказывал о Марте — и когда

Первые надёжные следы биографии Марты относятся не к её рождению, а к тому времени, когда её жизнь пересеклась с большой политикой и военной историей. В 1702 году русская армия овладела Мариенбургом. Это событие известно по военным и административным материалам; сама судьба Глюка также оставила документальный след. Однако документы о взятии города гораздо лучше рассказывают о движении войск, пленниках и распоряжениях властей, чем о конкретной молодой женщине, попавшей в российскую среду.

Именно такой дисбаланс источников нередко подталкивает биографа к эффектному повествованию. Поздние авторы соединяли разрозненные сведения в цельный сюжет — от сиротства и службы до императорского венца. Среди рассказчиков были придворные мемуаристы и иностранцы, писавшие о России уже после того, как Марта стала Екатериной и её возвышение превратилось в предмет европейского интереса. Такие авторы могли знать придворную среду, слышать рассказы современников, но они не были свидетелями её рождения и детства. Их сообщения ценны, однако их нужно отличать от непосредственной записи очевидца.

Мемуарист, сообщивший о ранних годах Екатерины, мог стремиться объяснить необычный путь женщины, ставшей супругой Петра. Одни рассказы подчёркивали её низкое происхождение — порой с намерением унижить её и поставить под сомнение приличие царского выбора. Другие превращали судьбу Марты в почти сказочное восхождение: бедность, сиротство, случайная встреча, корона. В обоих случаях жизнь становилась удобным сюжетом. Но удобство сюжета — не гарантия достоверности.

Так возникает и привычная формула «из простолюдинки в императрицы». Она точно передаёт резкий социальный контраст между ранним положением Марты и её поздней властью, но может незаметно подменить анализ готовой легендой. Если заранее считать, что её детство состояло из крайней нищеты и беспомощности, любое последующее достижение будет выглядеть чудом. Если же объявить её происхождение знатным, можно попытаться задним числом сделать её возвышение более «приличным». Ни один из этих соблазнов не помогает узнать правду.

Поздний рассказ не обязательно ложен. Память может хранить то, чего нет в официальном документе: семейное прозвище, историю переселения, имя человека, приютившего ребёнка. Но чем больше в рассказе точных подробностей и драматичных сцен, тем важнее спросить, откуда они взялись. Кто был первым известным рассказчиком? Мог ли он знать описываемое? Повторяют ли последующие авторы независимые сведения или переписывают друг у друга одну и ту же версию?

Как читать неполную биографию

Практический приём прост: прежде чем поверить в эпизод, разложить его на отдельные утверждения. Возьмём фразу: «Марта рано осиротела, потому что её родители умерли от чумы, и тётка отдала девочку в дом пастора Глюка». В ней сразу несколько звеньев: родители существовали под названными именами; умерли именно от чумы; смерть случилась, когда Марта была ребёнком; её взяла тётка; тётка устроила её в дом пастора. Даже если последнее звено кажется правдоподобным, оно не подтверждает автоматически предыдущие.

Для проверки читателю полезно пройти пять шагов:

1. Найти самое раннее известное сообщение. Поздняя книга может пересказывать источник, написанный на несколько десятилетий раньше.

2. Определить, кто говорит. Очевидец, участник событий, человек, слышавший рассказ от других, и автор, живший значительно позже, обладают разными возможностями знать правду.

3. Отделить факт от объяснения. «Глюк был пленён» — одно утверждение; «Марта попала к нему после смерти родителей» — другое.

4. Проверить независимость пересказов. Пять биографий, переписавших одну и ту же мемуарную версию, — это не пять свидетельств.

5. Сформулировать вывод осторожно. Не «родители умерли от чумы», а «поздние рассказы сообщают, что Марта рано осиротела; причины и обстоятельства её сиротства надёжно не установлены».

Это не упражнение в недоверии ко всему. Напротив, оно позволяет сохранить полезные сведения, не выдавая их за нечто большее. Историческая осторожность не обедняет рассказ — она делает его честнее и точнее.

Есть и ещё один способ приблизиться к ранней жизни Марты: описывать не то, чего источники не сообщают о ней лично, а тот мир, в котором она могла расти. Ливония была пограничной землёй, где смена власти и война влияли на повседневность. Различались языки, конфессии и социальные положения. Для семьи с ограниченными средствами служба в чужом доме могла быть обычной возможностью обеспечить ребёнку еду и место при хозяйстве; однако применительно к Марте это остаётся общим историческим контекстом, а не доказанным эпизодом её личной биографии. Важно удерживать эту границу: эпоха помогает понять вероятное, но не сообщает за человека его собственную историю.

Так же осторожно следует относиться к словам «крестьянка», «служанка» и «простолюдинка». Они могут достаточно точно описывать её социальное положение до возвышения, но не заменяют подробного знания о семье и детстве. Социальный статус — не характеристика ума, воли или достоинства. Он прежде всего показывает, какие возможности и ограничения задавало человеку общество.

В этом смысле пробелы источников говорят и о самих источниках. Дети из небогатых семей редко оставляли письма и личные свидетельства; женский труд в домашних хозяйствах часто почти не попадал в официальную переписку. Война же особенно хорошо документировала то, что интересовало государство: города, армии, перемещения пленников, службу и расходы. Биография Марты становится видимой именно там, где частная жизнь пересекается с этими механизмами. Всё, что лежало за их пределами, могло исчезнуть из архива, даже если было важнейшим для самой Марты.

Неопределённость — часть истории

О прошлом Марты можно сказать многое, но не всё следует говорить с одинаковой уверенностью. Вероятно, она родилась в Ливонии около 1684 года; вероятно, её ранняя жизнь была связана с домом пастора Глюка; вполне возможно, её семья принадлежала к небогатой среде. Но конкретное место рождения, точная дата, имена и судьбы родителей, обстоятельства её воспитания требуют оговорок. Слова «вероятно», «по поздним сообщениям» и «не подтверждено» здесь не признаки слабого рассказа. Это инструменты точности.

Неопределённость также возвращает героине человеческий масштаб. Без неё Марта рискует стать либо сказочной сиротой, заранее предназначенной к короне, либо безликой фигурой, которую несёт поток войны и придворных интриг. Источники не позволяют утверждать ни то ни другое. Они оставляют пространство для уважения к неизвестному: мы можем признать, что у неё была жизнь до славы, даже если не можем подробно пересказать её содержание.

Когда в 1702 году война добралась до Мариенбурга, перед нами открывается граница, за которой биография Марты начинает теснее соприкасаться с российской военной историей. Но и здесь нужно отделять установленное событие — взятие города и пленение его жителей — от отдельных подробностей личного пути Марты. Именно этот переход от туманного детства к документируемому плену и дороге в новую жизнь станет следующим шагом рассказа.

Ливония, плен и дорога ко двору Петра

Война редко предупреждает человека о том, что сейчас разделит его жизнь на «до» и «после». В августе 1702 года русские войска взяли Мариенбург — город в шведской Ливонии, нынешней Латвии. Мы не знаем, где именно в тот момент была Марта и что она видела. Источники не сохранили ни точной сцены её пленения, ни её собственного рассказа о пережитом. Но мы знаем главное: частная жизнь молодых людей, женщин, семей и духовенства оказалась под властью военных распоряжений. Одни покидали дома, другие попадали в плен, третьих увозили вглубь России.

Так начинается не романтическая история встречи с царём, а история перемещения и зависимости. Дорога Марты к Петру прошла сперва не через парадные залы, а через пространство, где личный выбор был ограничен чужой победой.

Ливония на карте большой войны

В начале XVIII века Ливония находилась под властью Швеции. Это была не пустая окраина, а важная балтийская область с городами, дорогами, крепостями, поместьями и разными слоями населения. Землевладельческую верхушку во многом составляли немецкоязычные дворяне; в деревнях жили латышские и эстонские крестьяне. Здесь пересекались интересы местных общин, шведской администрации и соседних держав.

В 1700 году Россия вступила в Северную войну против Швеции — конфликт, который продолжался два десятилетия и менял границы, армии и судьбы людей. После поражения под Нарвой Петру пришлось заново укреплять войско и государство. Для него выход к Балтийскому морю был не отвлечённой мечтой, а стратегической задачей. Поэтому военные походы в Ливонию означали не просто движение армии по карте: они приносили реквизиции, разорение, смену власти и плен.

Мариенбург — современная Алуksне — лежал в восточной части Ливонии, на важном направлении военных операций. В 1702 году город оказался во власти русских войск под командованием Бориса Шереметева. Падение городов в ту эпоху редко означало лишь смену флага над крепостью. Для жителей менялся весь порядок повседневной жизни: кто распоряжается дорогами, кто может покинуть город, чьи приказы обязательны и кто решает судьбу пленников.

Именно на этом историческом фоне следует помещать Марту. Не потому, что её личность растворяется в военной истории, а потому, что без этой истории её дальнейший путь легко превратить в красивую сказку о случайной встрече. Война создала условия, в которых человек мог быть увезён из дома, передан в чужое хозяйство, а затем оказаться рядом с теми, кто принимал решения за целые государства.

Что известно о пленении

В биографических рассказах Марта обычно связана с домом лютеранского пастора Иоганна Эрнста Глюка. Глюк был взят в плен русскими войсками и увезён в Москву; позднее он занимался там переводческой и просветительской работой. В тех же рассказах Марта предстаёт девушкой из небогатой семьи, рано оставшейся без родителей и жившей или служившей в доме пастора.

Эта версия правдоподобна и стала традиционной, но ранняя биография Марты восстановлена не так надёжно, как её позднейшая жизнь при Петре. Детали её происхождения, семейных обстоятельств и положения в доме Глюка в источниках расходятся. Даже слова «воспитанница», «служанка» и «пленница» не равнозначны: первое предполагает опеку, второе — службу, третье — принудительное лишение свободы. Исторический рассказ не должен подменять одно другим только ради гладкого сюжета.

Можно уверенно говорить о главном: в 1702 году Марта оказалась среди людей, чья судьба зависела от победившей армии. Многие позднейшие свидетельства связывают её пленение с взятием Мариенбурга и с окружением Шереметева. Однако точная последовательность событий, условия её перемещения и конкретное положение в первые месяцы известны гораздо хуже. Мы не располагаем надёжной записью, которая подробно описывала бы, кто и когда сопровождал её, на каких остановках она бывала и как именно менялись её обязанности.

Это различие важно не только для точности. Оно меняет смысл истории. Если представить пленение как простое начало приключения, принуждение исчезает из кадра. Если же помнить о военном неравенстве, становится ясно: у Марты могло быть пространство для приспособления и решений, но оно возникало внутри обстоятельств, которые она не выбирала.

Маршрут: установленное и реконструируемое

Карта помогает увидеть не только расстояние, но и степень нашей уверенности. Иногда направление пути известно достаточно хорошо, а каждый конкретный отрезок — нет.

Этап

Место и время

Что можно сказать

1

Мариенбург, Ливония, 1702 год

Город перешёл под контроль русских войск. Пленение Марты здесь — широко принятая биографическая версия; обстоятельства самого эпизода известны неполно.

2

Перемещение из Ливонии в русские владения

Пленных и связанных с ними людей увозили из зоны военных действий. Глюк оказался в Москве; индивидуальный маршрут Марты, остановки и сопровождавшие её лица восстановлены лишь частично.

3

Окружение Меншикова, приблизительно 1703 год

Традиционная версия связывает Марту с домом Александра Меншикова. Точная цепочка, по которой она туда попала, описывается источниками неодинаково.

4

Круг Петра, около 1703 года

Знакомство Марты с Петром обычно помещают в дом Меншикова. Эта версия стала наиболее известной, но надёжно восстановить точное место, обстоятельства и первый разговор нельзя.

Таблица не превращает неизвестное в известное. Напротив, она показывает, где история опирается на достаточно устойчивую основу, а где начинается реконструкция. Так следует читать и сам маршрут Марты: Мариенбург, затем путь в русские владения, затем связь с домом Меншикова и, наконец, близость к Петру. Между этими точками есть переходы, подробности которых не сохранились.

Перемещение было не только географическим. Из Ливонии Марта попала в мир, где решения принимались совсем иначе и где защита, жильё и безопасность зависели от людей с высоким положением. Но не следует воображать, будто дорога вела прямо из пленения во дворец. Петровский двор начала XVIII века не был неподвижной декорацией из позднейших

парадных портретов. Пётр перемещался между военными делами, разными резиденциями и городами; Петербург, основанный в 1703 году, только начинал строиться. Войти в его окружение означало прежде всего оказаться внутри сети домов, служилых людей, приближённых и поручений.

От пленного города к дому Меншикова

В большинстве версий между Мариенбургом и Петром стоит Александр Меншиков — человек, который сам прошёл путь от незнатного происхождения к высшему кругу царской власти. Источники и позднейшие биографы описывают предысторию по-разному: Марту связывают с домом Шереметева, затем с домом Меншикова; переход между этими окружениями иногда рассказывают как передачу или подарок. Но уверенно восстановить ни точные обстоятельства, ни её тогдашний юридический статус невозможно.

И здесь важно не сглаживать неровности. Если пленённая женщина оказывалась в хозяйстве влиятельного мужчины, это не было равным и свободным перемещением между независимыми домами. Даже когда поздний рассказ называет её «служанкой», одного этого слова недостаточно, чтобы понять, могла ли она отказаться, уйти или самостоятельно выбирать защиту. Мы не знаем, какие возможности были у Марты и как она воспринимала своё положение.

Обычно знакомство Марты с Петром относят примерно к 1703 году и связывают с домом Меншикова. Эта версия помогает понять, как девушка из Ливонии могла оказаться рядом с царём, но не даёт права додумывать сцену. Популярная формула — Пётр увидел Марту и сразу влюбился — удобна для романа: в ней есть встреча, искра и мгновенный поворот судьбы. Исторически же она сжимает несколько неизвестных до эффектного эпизода. Мы не можем точно рассказать, что они сказали друг другу, когда возникла близость и как Марта оценивала своё положение в тот момент.

Позднейшая жизнь Екатерины — её многолетняя связь с Петром, семейная близость, а затем участие в большой политике — иногда заставляет воспринимать раннее знакомство как предопределение. Но конец истории не объясняет автоматически её начало. То, что Марта впоследствии стала сильной фигурой, не доказывает, что она с самого начала свободно распоряжалась своей судьбой. И то, что её первоначальное положение было уязвимым, не означает, что у неё совсем не было способности действовать. Оба упрощения одинаково обедняют биографию.

Влияние влиятельного человека могло открыть дверь, но не гарантировало безопасности по ту сторону порога. Близость к Петру впоследствии дала Марте доступ к миру, закрытому для большинства людей её происхождения. Одновременно она сделала её зависимой от отношений и решений, на которые сама могла влиять лишь частично. Это не внезапный прыжок из бедности в безграничную свободу, а сложный переход: от чужой власти — к близости с властью, от зависимости — к постепенному накоплению собственного влияния.

Как читать историю, не превращая её в легенду

У этой главы есть практический урок для любого, кто читает биографию, особенно если в ней много пробелов. Попробуйте мысленно разделить утверждения на три группы:

1. Надёжная опора: Мариенбург оказался в руках русских войск в 1702 году; Марта связана с Ливонией и пленением; позднее она вошла в круг Петра.

2. Вероятная реконструкция: путь из Ливонии проходил через окружения влиятельных людей, а связующим звеном был Меншиков.

3. Неизвестное или спорное: точная сцена пленения, остановки по дороге, юридический статус Марты на каждом этапе и подробности первого знакомства с Петром.

Теперь возьмите яркое утверждение: «Пётр увидел Марту и сразу влюбился». Спросите себя: кто это сообщил? Насколько близко ко времени событий был рассказ? Что именно подтверждает источник — факт знакомства или уже готовую романтическую трактовку? Осторожная формулировка будет звучать иначе: «К 1703 году Марта оказалась в окружении Менши-

кова; знакомство с Петром обычно относят к этому времени, однако подробности неизвестны». Она менее эффектна, зато лучше различает факт и догадку.

Есть и другой полезный способ смотреть на истории, возникшие в условиях сильного неравенства. Задайте три вопроса: какие варианты выбора были у человека; какова была цена отказа; кто контролировал его передвижение, жильё и защиту? Эти вопросы не дают готового ответа о чувствах Марты. Они помогают не приписывать ей современную свободу только потому, что мы знаем её позднейший успех.

Марта не была пассивной фигурой, которую военные и придворные передвигали по карте как знак. Но и не стоит задним числом превращать каждую вынужденную перемену в сознательно выбранную ступень к власти. История становится точнее, когда мы признаём одновременно и ограниченность её возможностей, и ту способность приспосабливаться, которая могла постепенно становиться источником влияния.

Путь из Мариенбурга к Петру начался не с обещания новой жизни, а со слома прежней. Война изменила её положение; решения Шереметева и Меншикова, насколько их позволяет восстановить источник, определили направление перемещений; близость к Петру открыла новый круг, но сама по себе ещё не дала ни безопасности, ни самостоятельности. Географическая дорога завершилась у порога придворного мира. Социальная только начиналась — и возврата к прежней жизни уже не было.

Вхождение в царский круг: Меншиков, Пётр и новая жизнь

Представим дверь, у которой нет таблички и расписания приёма. За ней — человек, способный изменить чужую судьбу одним разговором с государем. Но войти туда можно не по праву рождения и не по официальному приглашению: сперва надо оказаться в чьём-то доме, заслужить доверие, стать знакомой фигурой. Так часто и начинался путь ко двору в петровскую эпоху — не с парадного зала, а с череды личных связей.

Именно в таком пространстве после пленения оказалась Марта. Её новая жизнь не была мгновенным восхождением из неволи к власти. Она вошла в круг людей, обладавших влиянием, но сама поначалу зависела от них. Чтобы понять, как это положение менялось, важно рассматривать рядом три фигуры: Петра, Александра Меншикова и саму Марту. Между ними возникла связь, ставшая судьбоносной, однако её начало скрыто в источниках, которые не дают нам права сочинять красивую, но недоказуемую сцену первой встречи.

Не лестница, а сеть дверей

После взятия Мариенбурга в 1702 году Марта оказалась в руках русских. Военные действия резко перемешали судьбы жителей Ливонии: плен, перемещения, служба в чужих домах становились частью повседневности войны. В биографических рассказах Марта связывается с домом лютеранского пастора Эрнста Глюка, затем — с окружением Меншикова. Однако подробности её маршрута изложены не одинаково. Разные версии по-разному расставляют людей и эпизоды; далеко не каждую деталь можно подтвердить документом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.